

Честно говоря, Чэнь Жун не понимал, зачем надо устраивать все эти разборки. Они расстались, Генерал счастлив, или не очень со своей А Вэй, так чего вновь ковыряться в ране?

— Да, она так беспокоилась о моей безопасности, что забывала есть и спать, — небрежно сказал генерал, помолчав, и наблюдая за юношей. — Она весь день стояла на коленях перед богами и молилась о моем благополучии, пока я решал свои вопросы. Моему личному охраннику стало жаль ее, и он провел ее через туннель за город. Ты можешь ненавидеть Чэнь Юаня, но смысл вымещать свой гнев на Чэнь Вэй? — нахмурился он, глядя на юношу. — Она всего лишь слабая девушка. Кроме того, она всего лишь наложница, не способная никак повлиять на твоё положение.

Когда генерал заговорил о прошлом, то глубоко вздохнул и через некоторое время добавил:

— А Жун из дома Чэнь, я уже обещал тебе положение супруга, мое признание А Вэй несущественно. Не используй ее в качестве оправдания.

Он сделал шаг вперед, его глаза яростно сверлили юношу.

— А Жун из дома Чэнь, скажи что-нибудь. Почему ты не ценишь наше обещание? Почему ты спал с другим мужчиной?

Чэнь Жун взглянул на мага. Его слова были заточены так, что каждое слово давило тяжким грузом, как ядовитая змея, затаившаяся в его сердце. Каждое слово распяло в нем ярость, горечь и ненависть. Он что, отложил все свои военные обязанности, чтобы преследовать его только для того, чтобы сказать вот это?

Ему, вероятно, необходимо получить ответ, который бы успокоил его эго. Ни одному альфа-самцу не нравится быть брошенным. Скорее всего именно в этом всё дело.

Чэнь Жун медленно оценивающе оглянулся на него. Хотя он и смотрел на мага, его глаза были пусты.

"Этот человек действительно ничего не понимает" – подумал он. — «Если отбросить мою связь с Ван Хуном, пока он признает Чэнь Вэй, я не могу быть с ним... Я никогда не повторю этот кошмар из прошлого.»

Жань Минь все еще смотрел на него, его пристальный и мрачный взгляд не позволял отступить или промолчать. Но Чэнь Жун не знал, что еще можно ему сказать, кроме как рассмеяться. Он никак не мог поведать ему о том, что связывало их троих в прошлой жизни. Подобное откровение выглядело бы совершенно глупо. Он внутренне вздохнул и поднял взгляд, встретившись с глазами демона.

— Генерал, мы с тобой очень похожи, так почему же ты не можешь понять, что Чэнь Вэй и я не можем сосуществовать под одним небом? — произнес он, моргнув. — Взяв ее к себе, ты просишь нас разделить одного и того же мужа. Ты прав, ты обещал позволить мне быть твоим супругом, а она была бы всего лишь наложницей, — усмехнулся Чэнь Жун и прикусил губу. — Я, кузен со скромным происхождением, который бы вдруг стал бы выше ее. Она бы подобного никогда не допустила и дом стал бы похож на арену битвы. Возможно твоему демону приятно что за него идет борьба, но это точно не цель моей жизни.

Он резко вскинул голову и поглядел на него.

— ... ты забываешь, генерал, Чэнь Вэй пользуется поддержкой своих родителей и клана, в то время как у меня, А Жуна из дома Чэнь, подобного нет. Даже если бы я был супругом в доме, я не смог бы ее одолеть в этой битве. Она женщина, и рано или поздно, интригами и слезами уговорила бы тебя на наследника. — Видя было собравшегося что-то сказать генерала, он предупреждающе поднял ладонь. — Две слезинки и женишься — прольются водопады, и ты сделаешь ей ребенка, и не говори что «нет». Ты так же говорил насчет брака. А мать наследника — это серьезно. Особенно для демона. Такая, как она, имеет множество способов оттереть соперника — вынося своего ребенка вперед и действуя якобы для его блага. Она уже показала свои возможности, заключив брак с тобой через мою голову, всего лишь проронив пару слезинок и постояв на коленях, причем ты этого даже не видел. Представь, что будет, когда она предложит тебе выбирать между мной и твоим наследником?

В этот момент Чэнь Жун начал смеяться. Он насмешливо посмотрел на задумавшегося над женским коварством Жань Миня и сказал:

— Кроме того, с чего ты взял, что я готов делить с ней мужа да еще всю свою жизнь тупо соревноваться за него? — уголки его губ приподнялись, ирония на лице проступала все яснее и яснее. — Почему я должен поступиться своими целями и трудиться ради той жизни, которая уже обречена на страдания и неудачи? Почему я должен впутываться в подобное? В этот раз я не та девчонка, и я не люблю тебя так же слепо, как она.

Его насмешливые замечания нещадно шокировали Жань Миня.

Он был достаточно мудр, чтобы понимать — каждое сказанное слово идет от чистого сердца.

Слишком встревоженный, чтобы заметить, его фразу "На этот раз я не та девчонка" прозвучавшую странно, он замер.

— Понимаю, — медленно произнес он, растерянно глядя на омегу. Он никогда не задумывался о таких тонкостях семейных отношений. Для него все было куда проще.

— Ты меня не любил, потому-то, когда показалось, что что-то идет не так, ты сразу же сбежал, — сказал он, пристально разглядывая юношу. — В конце концов, ты говорил правду, — пробормотал он. — Ты меня не любишь. Тот, кого ты полюбил, и правда Ван Хун. Даже если она тебе не нравится, я просто взял наложницу. Но из-за чего-то столь незначительного ты

отказался от статуса, который я тебе давал, и беззаботно переспал с Ван Хуном...

Он пристально посмотрел на Чэнь Жуна и злобно высказался:

— А Жун из дома Чэнь, ты... Ты и вправду дешевка, — сказав это с крайним отвращением и ненавистью в голосе, он протянул руку, чтобы притянуть к себе Чэнь Жуна.

Как только он начал неудержимо душить его, Жань Минь внезапно остановился как вкопанный. Глядя на прекрасное безразличное лицо Чэнь Жуна и его спокойные и ясные глаза, он ослабил хватку и, положив руку ему на шею, рассмеялся:

— Тебе опять почти удалось разозлить меня, мальчишка.

Заставив его поднять подбородок и поглядев в нефритовые глаза, его голос смягчился:

— Нет, это все ложь. Все, что ты сказал – все предлоги и ваши дворянские словесные кружева. Если Ван Хун действительно твоя цель с самого начала, если он был лучшей партией, чем я, если он – твоя настоящая любовь, тогда почему ты решил кинуться на поле боя после того, как переспал с ним?

Его тон, сам того не ведая, стал мягче и приобрел хрипотцу, хватка на подбородке тоже ослабла.

Он нежно погладил омегу по нижней губе и мягко вкрадчиво спросил:

— А Жун, скажи мне, он тебя принуждал? Ты ведь все еще любил меня и хотел выйти за меня замуж, верно? Он сам навязался тебе, не так ли?

В этот момент, в его свирепых глазах, промелькнула некая нежность, вспыхнув лучом надежды и тоски, которых он сам не понимал до конца. В сущности этот омега не единственный в мире. Было проще его отпустить и когда-то позже встретить другого. Но...

Но среди его эмоций Чэнь Жун мог также различить его беспокойство и неуверенность.

Он знал, что его действия, сбили с толку стоящего перед ним мужчину. Тот инстинктивно верил, что каждое сказанное слово было от всей души, но маг не мог понять, почему он решил разорвать отношения с Ван Хуном после того, как переспал с ним, если тот ему действительно нравился. Даже если Чэнь Жун своенравен и не мог терпеть соперниц, ему все равно следовало бы пойти на уступки и бороться за свое место позже, когда он присоединится к дому Ван. Несмотря ни на что, разве положение почтенного наложника Лан'я Ван Ци – это то, чем стоит пренебрегать?

По этой причине он скорее поверит, что Чэнь Жун хотел покончить с собой, потому что любил его, потому что больше не мог выйти за него замуж. И что он решил стать монахом именно из-за него.

Жань Минь протянул руку и погладил его скромный даосский пучок на макушке с печалью в глазах.

— А Жун, я ... Я думал об этом, и меня это больше не будет беспокоить... Подожди, пока я обо всем позабочусь, а потом давай вместе покинем Цзянькан, — сказал он в итоге.

Он погладил юное личико омеги и серьезно произнес:

— Ты будешь моей женой. Моим равным супругом.

Сказав это, он выглядел освобожденным. Его глаза наполнились нежностью, когда он заключил Чэнь Жуна в свои объятия. Собственно он говорил чистую правду. В старую столицу придется возвращаться.

— А Жун, пойдем со мной, — умолял он, крепко его обнимая с закрытыми глазами.

На этот раз Чэнь Жун услышал в его словах мольбу и ранимость. На красивом лице генерала даже появился страх. Он боялся отказа Чэнь Жуна, боялся, что тот произнесет жестокую правду и сокрушит его сердце.

Чэнь Жун никогда не видел подобного Жань Миня. Он и представить себе не мог, что этот страшный и невыносимо высокомерный мужчина однажды заговорит с ним таким нежным и умоляющим тоном. Он и представить себе не мог, что мужчина, наблюдавший когда-то за смертью А Жунь в их прошлой жизни, однажды будет умолять его выйти за него замуж. Полный бред.

Он застыл.

В обеих жизнях и во всех своих мечтах он никогда не думал, что кто-то действительно влюбится в него однажды... Но он, должно быть, действительно отравил его, когда пришел к нему со своими воспоминаниями А Жунь, знаниями Жени, со своими шипами, своей злобой и ранами.

Он все еще не мог поверить в это, поэтому замер даже тогда, когда он заключил его в свои объятия.

Откуда ему было знать, что даже в прошлой жизни, после того как этот человек решительно наблюдал за смертью А Жунь, он тоже потом мечтал о ней снова и снова. Сначала он не чувствовал ничего подобного, но после того, как объявил себя императором, он просыпался от

огня, где он видел ее глаза, полные любви и тоски. Когда женщины вокруг него чередовались, как вращающийся фонарь, он смотрел на них и думал про себя: никогда больше не будет другой женщины, которая настолько же глупо любила меня всем, что у нее есть... Когда служки следующего императора, лишив его силы хитростью, тащили его по улице, как собаку, в его голове промелькнула мысль: он заставил Цзинь и Ху запомнить его; его имя вошло в историю; и была когда-то женщина, которая любила его всем, что у нее было. А значит, это была стоящая жизнь. Конечно, потом он на всех отыгрался, сбежав из тюрьмы и подавшись в демонические каньоны, но воспоминание осталось.

Жизнь всегда такая. Когда мы молоды, по неосторожности мы можем отпустить кого-нибудь. Но в старости, после того как мы пережили превратности судьбы, эта память будет постоянно всплывать – напоминать нам о нашей глупости, говорить нам о том, что мы утратили.

Кроме того, быть любимым столь глубоко и безумно – это не то, о чем можно просто попросить... Возможно, когда были молоды и горды, мы избегаем такого рода сложности, но когда мы постарели и утомились, однажды мы могли бы оглянуться и обнаружить, что рядом с нами нет никого, кто хотел бы любить нас, и никого, кто готов был бы принести для нас себя в жертву. Это воспоминание и сопровождающее его сожаление пожирало бы нашу душу и во время бодрствования, и во время сна. Мы смеялись и кричали во сне, но просыпались с непролитыми слезами.

Вот почему на протяжении тысячелетий мудрецы всегда говорили миру, что достаточно прийти к концу своей жизни без сожалений. Не исключено что сейчас работало предзнание возможных ошибок. И в этом варианте судьбы он не хотел вновь их повторять.

Жань Минь бессознательно прижал Чэнь Жуна к своей груди. Он не смотрел на него сверху вниз и не позволял ему смотреть на себя снизу вверх.

Когда он приехал в «новую столицу», все, чего он хотел – это знать, что произошло в тот день; все, чего он хотел – это прогнать яд из своего сердца и уйти с миром. С миром, но забрав своё. Желательно без боя.

Но он сам удивился, сделав такую просьбу еще до того, как произнес ее. Он не хотел ничего знать, не хотел больше спрашивать. Он просто хотел оставить прошлое в прошлом, он просто хотел забрать желанного омегу ... Он просто хотел вернуться в то время, когда он мог читать его по выражению его глаз, когда он мог подражать каждому его движению, когда он мог не отставать от него верхом, как будто являясь его защитником. И когда усталость брала верх, он мог утешать его своим шепотом, когда он был в прекрасном настроении, он мог лежать в его объятиях, пока они ехали к горизонту.

Хотя их совместная жизнь была недолгой, он впервые почувствовал, что его жизнь стала бы полной, если бы у него был кто-то, кого он никогда не покинет и не бросит, кого он будет любить и лелеять, как в жизни, так и в смерти.

В объятиях Жань Миня Чэнь Жун провел много времени, но затем он покачал головой.

В молчании, он продолжал качать и качать головой.

— А как же тогда Чэнь Вэй? — тихо спросил он. Чтобы знать его ответ ему не нужно было спрашивать, но он все равно хотел спросить.

Жань Минь распустил его даосский пучок, позволив волосам рассыпаться по спине. Затем погладил шелковистые волосы юноши.

— Чэнь Вэй? — переспросил он нахмурившись. — Она всего лишь наложница, она не доставит тебе никаких хлопот. Кроме того, она слабая женщина, полагающаяся на меня, любящая меня и доверяющая мне. Если я брошу ее без всякой причины, она скорее всего не выживет, — он сделал паузу, прежде чем, наконец, дать уступку. — Если это тебя действительно так сильно огорчает, то я буду только с тобой. Ну её, эту Чэнь Вэй.

Похоже, это наибольшая уступка, на которую он был способен. Чэнь Жун усмехнулся и медленно высвободился из его рук.

Две жизни позволили ему немного понять этого человека. Он всегда поддавался женским слезам. Даже если бы он сказал, что любит его, но как только она станет его умолять сквозь слезы, он Чэнь Вэй так и не покинет.

Более того, в дополнение к Чэнь Вэй придут Ли Вэй или У Вэй... Некоторые из этих женщин действительно уязвимы, а некоторые только притворяются. Они придут к нему одна за другой, как вращающийся фонарь. В прошлой жизни Чэнь Жунь, из-за ее низкого статуса и статуса инчи, к которой её супруг не питал любви, они высмеивали и заманивали ее в ловушки. Нет, она конечно получила огромную школу жизни, которую передала Жуну, но её жизнь была исключительно безрадостной.

На этот раз он парень и хотя он потерял свое целомудрие с другим мужчиной, но женщины его тоже привлекают. К счастью не как возможные жены, он уже понял что в этом обществе сомнительно что ему встретится искренняя девушка, более вероятно что это будет иной вариант Чэнь Вэй, учитывая его суть омеги, более чем вероятно она предаст его достаточно быстро как только её помянут выгодной перспективой. Они будут использовать это против него до тех пор, пока он не сможет не отомстить.

Чэнь Жун, конечно, не проиграет им, но от подобной жизни он устанет очень быстро. Он бы предпочел быть нелюбимым, чем если бы когда-нибудь опять выйти замуж или жениться. Но сейчас, глядя на генерала, он наверняка будет держать его рядом с собой... Более того, Жань Минь – гордый мужчина; гордецы скорее станут обижать других, чем позволять другим обижать себя. Но Чэнь Жун сначала отдал свое сердце, а потом и тело другому мужчине. Это стало бы занозой в его сердце. Со временем, вместе с нарастающими нашептываниями, он мог бы однажды удалить гноящуюся опухоль, которой являлся он сам, несмотря на его ценность как омеги.

Возможно, кто-то, подобный ему, годится только для одиночества... Если он будет общаться с

луной и облаками, провожая закаты и рассветы, то, возможно, ему повезет и он со временем спокойно состарится в этом монастыре. Чэнь Жун не рассчитывал на такое чудо как достижение ранга бессмертного. В мире таковых были единицы. Его талант не столь огромен как у Жань Миня.

Жань Минь ощущал безразличное сопротивление омеги в его объятиях.

Мышцы лица у него дрогнули.

Внезапно он оттолкнул юношу, заставив того упасть. Уставившись на него сверху вниз, его тонкие губы изогнулись и он спросил:

— А Жун из дома Чэнь, если я покину Чэнь Вэй, ты пойдешь со мной? — его злило, то, что он вынужден был идти на компромисс. И хотя он уже это сделал, следовало грамотно отступить. Омеги не должны иметь столь огромную власть над альфами.

Видя его гнев, Чэнь Жун покачал головой. Он улыбнулся и опустил глаза, не желая встречаться с ним взглядом.

— Нет, что бы не случилось, с тобой я не пойду. — Он вздохнул и легко поднялся. — Мне прекрасно жить и здесь, генерал, потому не поеду с тобой, — слегка улыбнулся он и отвернулся, встряхнув небрежно рукавами.

Он едва успел сделать шаг, как Жань Минь вновь его притянул.

— В таком случае, — неожиданно сказал он, посмотрев на него сверху вниз, — Я останусь еще на несколько дней.

Это не признание в любви. Это определенно не признание в любви!

Пораженный, Чэнь Жун широко раскрыл глаза и инстинктивно закричал:

— Да не нужно!

— Почему нет? — усмехнулся он, уставившись на него, как волк.

Чэнь Жун побледнел. Его губы шевельнулись, но он не могла вымолвить ни слова.

Он знал его достаточно хорошо, чтобы понять – генерал не останется ждать, пока он передумает. Он дожидался Ван Хуна; он хотел убить Ван Хуна! Не то чтобы ему было жаль этого хлыща, но все эти скандалы вокруг его имени только привлекали в очередной раз

чертова императора! А это не та фигура, с которой можно спорить! Он в конце концов просто объявит его своей собственностью и всё!

Он вынудил себя успокоиться, но сердце продолжало бешено колотиться.

"Это же Цзянькан,— сказал он себе. — Все местные люди подчиняются Ван Хуну. Даже если Жань Минь могуществен, он не может коснуться его." – подумал он про себя.

"Хотя Жань Минь и пугает Ху, в глазах Цзинь он всего лишь скотина, сменивший фамилию со скромным происхождением. Он не пришел сюда с достаточным количеством солдат, чтобы его бояться." — были его следующие мысли.

Эта мысль лишь немного утешила его. Он знал, что генерал бесстрашный человек, и если он действительно хотел кого-то убить, то мог убить и Императора.

Чэнь Жун отвернулся и посмотрел вперед. Всё же о ситуации при дворе он знал слишком мало. Не хотелось впутываться во всю эту грязь. Но если он не ошибался то теперь Сыма Чжан должен озаботиться легитимностью своего императорского статуса. Начнутся дразги между князьями, ведь император не одарен, в итоге его свергнут, он сбежит, а на престол.... Ага на престол на некоторое время взойдет генерал... его отправят в тюрьму и ... потом то ли казнят, то ли ему помогут демоны.. скорее последнее, ведь в той истории, которую знал Женя, мало было об этом времени. В частности не упоминалось, что генерал был бессмертным демонического направления культивации. Но потом человек с его именем появится среди врагов человеческого рода. Именно он поддержит начавшееся восстание Гу. Князя, отдавшегося демонам из-за того, что Чжану или его наследнику, захочется получить магию, которую якобы смогли пробуждать у простых людей в том княжестве. Это бы закрепило его права на трон уже распавшейся империи.

Но сейчас история уже идет иным путем, жив возможный одаренный претендент – Ван Хун. Скорее всего ему следует стать императрицей — супругой Чжана. И тогда престолонаследие будет оправдано. Ну это конечно в том случае если так решит князь Ван и сам император. Но ведь князь может счесть что Ван Хуну куда больше подойдет корона? И тогда ...

Так далеко Чэнь Жун предпочел не думать. Особенно о том какова будет его роль во всем этом. Тут с генералом и возможным диктатором бы разобраться. Чего его-то на трон потянуло? В прошлой жизни она до этого не дожила... и этот период сводится к паре строчек учебника. Причем он не уверен что речь идет именно о Жань Мине. Мало что ли генералов. И пусть внутренне он уверен, что все же о нем...Но помнится, генерал в храм при жизни А Жун ходил... значит, кто его родственники, выяснял. И раз вышел живым, значит, его претензии были обоснованными. Претензии на трон? Нет, всё это следует обмозговать в спокойной обстановке.

Губы Жань Миня тем временем сжались в тонкую линию, когда к его сердцу подкралось сложное чувство. Смотря на нежную шею юноши, ему на мгновение захотелось задушить этого бессердечного омегу до смерти.

Но когда эта мысль всплыла на поверхность, другой импульс взял верх. Ему захотелось обнять его, и в мольбах сказать, что он убьет ненужную Чэнь Вэй, если только он пойдет с ним.

Эти противоречивые мысли заставляли его поочередно сжимать и разжимать кулаки. Вот ведь чертов омега!

В это время Чэнь Жун повернулся к нему спиной, чтобы вновь посмотреть на покрытую туманами долину внизу. Он слабо улыбнулся и вдруг сказал:

— Ты меня спрашивал, почему я захотел стать монахом? А я тебе не ответил.—Он вздохнул. — Я решил присоединиться к Ордену, потому что моя жажда слишком ненасытна, а мое происхождение слишком скромно, — неторопливо произнесла он наблюдая внизу колышущийся туман под ними, — У меня явно нет ни статуса, ни красоты, ни семьи, на которую можно было бы положиться, ничего. И все же мне всегда хочется монополизировать любовь только для себя.

Он не стал озвучивать, что, стыдно признаться, но не только любовь одного человека ему хочется монополизировать. Он бы и Ван Хуна присвоил и его... и ... тьфу ты, срамota.

— Разве ты не понял, что мы с тобой совершенно одинаковые? — улыбнувшись обернулся к генералу он. — Мы оба принадлежим к тому типу людей, которые хотят, чтобы любимый человек полностью принадлежал только нам. В противном случае наши сердца будут колоть до самой смерти, и боль поглотит нас.

— Ты так хорошо меня знаешь, А Жун, — холодно отозвался на это Жань Минь.

Чэнь Жун услышал раздражение в его голосе, но только усмехнулся.

— Я потерял свое целомудрие с Ван Циланом не потому, что он принудил меня... — тихо сказал он, смотря вперед. — Но потому, что в тот день, когда ты принял Чэнь Вэй, я чувствовал себя потерянным и сбитым с толку, мне некуда было идти, в дом Чэнь я не мог вернуться, поскольку тут же бы оказался от них в зависимости со сломанной репутацией, и кто знает, что они бы придумали. Поэтому я импульсивно предложил себя Цилану.

Лицо Жань Миня побагровело. Он уставился на Чэнь Жуна, и лицо его дрогнуло. Он протянул руку, чтобы обхватить его шею, но когда его рука приблизилась к нему, то вдруг задрожала и остановилась на его одежде.

Мягкий удар – вот и все, что ему требовалось, чтобы отправить этого бесстыжего мальчишку вниз с обрыва.

В это время Чэнь Жун все еще смотрел вниз, по-видимому, не обращая внимания на убийственную ауру Жань Миня позади него.

— После этого он обещал, что я стану его благородным наложником, — мягко произнес он, глядя, как туман собирается и рассеивается. — Но я прекрасно знаю, что я жаден и безжалостен. Моё собственническое чувство к нему не позволит мне терпеть его жену или иметь любовницу выше меня... В таком большом клане, как дом Ван Лан'я, последствия моей нетерпимости будут моей смертью.

— Подумай сам, генерал, — хрипло продолжал он с улыбкой, — Если мне рано или поздно придется умереть, то почему я должен убивать и его привязанность ко мне? Я бы предпочел уйти, пока он все еще чувствует вину, любовь и преданность по отношению ко мне. Таким образом, даже когда я умру, он будет помнить меня всю оставшуюся жизнь.

Он засмеялся.

— К сожалению, я не умер. Если я не смог умереть, то захотел стать монахом. Поэтому я продолжал молиться и строить планы... Я проводил каждое мгновение бодрствования, думая о том, как увидеть Его Величество, подать свою просьбу и получить его дозволение.

Жань Минь неподвижно стоял за спиной Чэнь Жуна. Он убрал руку и оторопело на него уставился. А когда он закончил, то мрачно спросил:

— Ты любишь его так сильно?

Повернувшись к нему спиной, Чэнь Жун наклонил голову и рассмеялся:

— Люблю его? Или тебя? Нет, я больше всего люблю себя. Я просто хочу, чтобы он запомнил меня на всю оставшуюся жизнь только потому, что у него не было меня.

— Ты же не собираешься убить меня, генерал? — лениво сказал он не оборачиваясь. — Тогда, вынужден покинуть тебя.

Закончив, он взмахнул рукавами и пошел по узкой тропинке, оставив его.

Никаких шагов за ней не последовало.

Он не знал, как долго шел, когда услышал голос Матушки Пин:

— Господин, почему вы выглядите таким бледным?

Удивление в ее голосе заставило Чэнь Жуна застыть

Он посмотрел на свою кормилицу. После короткого взгляда он медленно повернулся обратно.

Уже стемнело, вокруг разжигали факелы и светильники.

Люди, в ее поле зрения, приходили и уходили, но высокого мужчины нигде уже не было.

Чэнь Жун вытер холодный пот со лба. Он надеялся, что сказанное им заставит Жань Миня понять, что такой, как он, не стоит риска попытки убить Ван Хуна.

Правда заключалась в том, что он знал, что Жань Минь – честлюбивый человек. И как честлюбивый человек, он не обязательно убьет Ван Хуна, взвесив все "за" и "против". Он, однако, не хотел рисковать, он хотел перестраховаться. Что же касается его самого, то это уже его жизнь. Будет ли он жить или умрет, не имело большого значения.

-oOo-

Выпрямившись, Жань Минь смотрел на уходившего прочь Чэнь Жуна. Концы красной повязки на его лбу развевались на ночном ветру.

Наконец он медленно склонился и двинулся, положив руку на грудь.

Там невыразимое удушье пожирало его сердце и выворачивало желудок наизнанку.

Он крепко зажмурился.

— Мне следовало убить его! — наконец пробормотал он. Он говорил сам с собой, потому что его голос был едва слышен.

Но вскоре он начал смеяться, как раз когда его шепот был унесен ночным ветром.

Внезапно он громко расхохотался. Всё же омега заморочил ему голову.

В тот вечер над горой Сишань видели дракона.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/1285/36245>